

Римма Ковалева

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ФОЛКЛОРИСТИКИ КАК ИНТЕГРАТИВНОЙ НАУКИ**

В данной статье критикуются ревизионистские взгляды на филологическую фольклористику как науку, исчерпавшую свои возможности. Очерчиваются перспективы ее интегративного развития.

Rimma Kovaleva

**TO THE QUESTION OF ENVIRONMENTAL SAFETY
FOLKLORISTICS AS AN INTEGRATIVE SCIENCE**

This article criticizes revisionist views on philological folklore as a science that has exhausted its possibilities. The prospects for its integrative development are clarified.

Если литературоведение отделялось от филологии на протяжении III-II ст. до н. э., то фольклористика обрела статус самостоятельной науки (и то не до конца) со своим объектом и предметом исследования только к началу XX века. Не порывая связей с мифологией, этнографией и другими дисциплинами, она, по сути дела, всегда нацеливалась на интегративные исследования. Прошло чуть более ста лет, и тут достаточно громко зазвучали голоса о ее кризисе. Мало того, с полным пониманием стали относиться к предложениям вообще отказаться от термина «фольклор», якобы имеющем негативную коннотацию. В документах ЮНЕСКО ссылались на мнение англо-американских ученых. На представителей Американского фольклорного общества (AFS) ссылался А. А. Панченко в докладе «Фольклористика как наука» на Первом Всероссийском конгрессе фольклористов [4, с. 72-73].

Председатель оргкомитета конгресса А. С. Каргин чуть ли не извинялся за несовершенство фольклористики. К примеру, за непростую ситуацию, сложившуюся к XXI веку «в исследовании и трактовке фольклора, традиционной культуры в целом [4, с. 5], за неготовность фольклористов «к адекватному восприятию глобальных трансформаций» в традиционной культуре народов России и всего мира» [4, с. 6], за отсутствие общей научно-теоретической и историко-методологической концепции, совершенно справедливо полагая при этом, что фольклористике не хватает дискуссионности, свободного обмена мнениями по наиболее принципиальным научным проблемам [4, с. 8]. На наш взгляд, если чего-то не хватает фольклористам, так это воли защищать свою науку, сконцентрированную на изучении духовной культуры народа, от необоснованных нападков, смелости в отстаивании фундаментальных положений и разработке теоретических проблем, в особенности – проблемы соотношения фольклорного «автора» и исполнителя, большей активности в обосновании перспективности интегративных направлений на базе филологической фольклористики.

С какой стороны ни подходи к фольклору, он – то, что сам народ рассказывал и рассказывает о себе, используя традиционные и новые художественные формы, расширяя или сужая свои функции и сферы бытования. Он свободен и неподсуден. Беларусь относится к числу стран, где фольклорное наследие и поныне циркулирует в естественных условиях. Его присутствие отчетливо видно в постфольклорном контексте, причем в самых разнообразных проявлениях, начиная от народных коллективов-носителей аутентичной традиции до профессиональных с уклоном в folk. Уже один этот факт предполагает необходимость науки о народном творчестве, связанном с феноменом прыгожага маўлення, которому в наше время принадлежит исторически значимая роль – сохранение образов живого белорусского языка и его поэтического слова. Казалось бы, если фольклор семантически неисчерпаем, жанрово многолик, и, как свидетельствует история, неистребим, обладая способностью встраиваться в культуру любого общества, в том числе индустриального и информационного, то должна приветствоваться и фольклористика, ибо никакая иная наука не исследует устное народное творчество в таком объеме и таком формате.

На деле все обстоит наоборот. В силу этого приходится поднимать вопрос об экологической безопасности фольклористики, в особенности филологической. Ее ревизия идет под ложным флагом неспособности изучать фольклор как синтетический вид искусства, на чем настаивают некоторые этномузоковеды. В частности, Е. Е. Васильева с видимым удовлетворением отмечает, как «приходилось отстаивать свою точку зрения в борьбе с попытками свести фольклор исключительно к «устной народной словесности», к «искусству слова», которое при советской власти использовалось в идеологических целях» [3, с. 22].

Справедливости ради, стоит заметить, что о паритетности двух ветвей фольклористики говорили многие ученые, в том числе В. Я. Пропп. Что же касается отношения власти к фольклору, то она во все времена, начиная с раннего средневековья, активно использовала его в своих целях. Приходится констатировать, что за пассажами, подобными приведенному, стоит элементарное незнание истории фольклористики, которая никогда не была только филологической, неосведомленность в методике анализа фольклорных произведений, без учета которой теряют смысл призывы к междисциплинарным исследованиям, и отсутствие навыков практического использования достижений филологической фольклористики.

Идея интегративной фольклористики не нова. Ее основы закладывали многие ученые, на работы которых мы ориентируемся [5, с. 16-33]. Так, социальная природа фольклора, концепцию которого поддерживал В. Я. Пропп, послужила базой для разработки задач социофольклористики. Когда вслед за В. Ю. Соколовым он отмечает связи фольклора и литературы, соответственно – фольклористики и литературоведения, мы считаем возможным выделить как особое интегративное направление этофольклористику. Солидаризируясь с ученым в понимании фольклористики как исторической дисциплины, предлагаем разрабатывать клиофольклористику. Связь фольклора с мифологией никогда не подвергалась сомнению, что предполагает необходимость мифофольклористики.

Предлагаемые нами термины органично включаются в ряд уже утвердившихся: этнофольклористика, лингвофольклористика, психофольклористика. Или возможных, к примеру, геофольклористика, значение материалов которой для выяснения основополагающих проблем фольклористики трудно переоценить (см. 2). И только непониманием сущности и объема интегративной фольклористики можно объяснить реплику Т. А. Бернштам о названии «этнофольклористика» как курьезном [4, с. 245]. Когда считается возможным изучать «не просто корпус музыкально-фольклорных произведений», а музыкальную культуру в целом, то непонятно, на каком основании отказывается фольклористике в изучении словесной культуры народа.

Почему-то забывается, что введение в науку понятия «народная поэзия», причем в самом широком смысле, явилось прогрессивным актом. Благодаря этому термину XIX века, позже неоднократно критикованному, на сцене европейской культуры был легализован такой субъект, как простой народ – носитель и хранитель высокохудожественных произведений. В отличие от негальновидных современных ученых, молодой Н. А. Добролюбов не сомневался, что «народная поэзия выражается не в одних песнях ... Кроме того народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитания, присловья – также служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них также находим проявление поэтического гения языка» [1, с. 83]. И какая же наука, кроме фольклористики, возьмется изучать эти жанры, которые желают быть услышанными и транслированными во времени?

К сожалению, «демон тупоумия» (Т. Манн) бодрствует всегда, а критика далеко не всегда становится источником развития, в особенности деструктивная, когда за бортом остаются важные проблемы, но практически ничего не предлагается взамен, кроме подхваченных «на стороне» терминов, концепций, тезисов, которые едва ли не сразу начинают подвергаться трансформации. Надо честно признать, что массу поводов для нападков на фольклористику давали сами ученые, когда вместо формирования базы постулатов, ограниченного числа истин, в которых никто не сомневается, старательно лишали объект изучения определенности, представляя его как поддающуюся дефиниции наисложнейшую реальность. На протяжении последних десятилетий те самые метания наблюдаются относительно предмета изучения, как будто не было классических работ по теории и методологии фольклора, не потерявших актуальности и в наше время. Понятно, что без специфического предмета изучения наука существовать не может, разрушается ее целостность.

Формирование фольклористики сопровождалось разработкой теории и истории фольклорных жанров, поиском принципов их классификации, чему отдали дань многие авторитетные ученые. Конструктивное оппонирование является необходимым фактором научного диалога, позволяющим увидеть решение проблемы в новом свете. Когда А. А. Панченко настаивает на том, что «фольклор не следует рассматривать как систему жанров», поскольку «к значительному числу форм массовой словесности традиционное для литературоведения жанровое деление неприменимо» [4, с. 90], то тем самым он лишает науку перспективного развития, отказывая ей в праве изучать фольклор как живое явление в сочетании системных образований, жанров, экстражанров и квазижанров. Ученые постоянно пытались осветить блеском теории пропасть, зияющую между не-фольклором и уже-фольклором, и найти звено, их соединяющее, что в обязательном порядке включает антропологический компонент – фигуру «геноавтора», как мы его называем. Из аморфной квазижанровой массы – «когда бы вы знали, из какого сора, растут стихи, не ведая стыда» (А. Ахматова) – он строит модели будущих жанров, прогнозировать появление которых не возьмется ни один умник. Однако именно этот возмущающий фактор дает нам право настаивать на системном характере фольклорного творчества и отстаивать уникальность фольклористического предмета исследования.

Поддерживая общую полемическую заостренность доклада А. А. Панченко относительно слабости теории фольклора, позволим себе усомниться в выводах ученого. Часть из них отдает откровенным анахронизмом и нигилизмом, другая – непониманием сущности фольклористики как интегративной науки, третья – ложным новаторством, а временами – простой неосведомленностью. Когда А. А. Панченко постулирует, что «обращение фольклористов к современной культуре может способствовать не только внутреннему развитию дисциплины, но и повышению ее институционального статуса» [4, с. 92], он как будто забывает, что фольклористы всегда, в большей или меньшей степени, так или иначе, исходя из объективных обстоятельств и возможностей, обращались к контексту современной им культуре, и тем самым вводит в заблуждение научную молодежь. Интегративная фольклористика актуализирует особое положение фольклора в народной культуре как носителя смыслов, связывающих его с историей народа, традиционным и современным бытом, мифологическими представлениями, системой устойчивых, текучих или сиюминутных эстетических идеалов, этических предпочтений. Какие бы сдвиги ни происходили в фольклоре, в каком бы направлении ни двигалось фольклорное творчество, какую бы скорость ни набирал фольклорный процесс, это всего-навсего расширяет исследовательское поле, но не лишает фольклористику, как науку о народном творчестве определенности и значимости.

Более пятнадцати лет назад на правительственном уровне была утверждена государственная программа развития социально-гуманитарных наук, где ставилась задача формирования корпуса кадров с использованием принципа междисциплинарной подготовки. Кто скажет, коснулась ли она фольклористики? И если коснулась, то каковы результаты?

Список литературы:

1. Добролюбов, Н. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934.
2. Ковалева, Р. Интегративная фольклористика / Р. Ковалева, О. Приемко. – Минск : БГУ, 2017. – 239 с.
3. Народное музыкальное творчество. Учебник / отв. ред. О. Пашина – СПб. : Композитор, 2009. – 568 с.
4. Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том 1. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – 448 с.
5. Пропп, В. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 324 с.

Gunta Silinya-Yasukevicha

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Gunta Silinya-Yasukevicha

TRADITIONAL CULTURE IN EDUCATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

В статье описан подход преподавания, содержание и методология традиционной культуры в программах подготовки учителей дошкольного и начального образования в Латвийском университете.

The article describes the approach of teaching content and methodology of traditional culture in preschool and elementary school teacher training programs of University of Latvia.

У каждой нации в мире есть своя уникальная мировоззренческая система – культура. Развитие ребенка вне культуры невозможно. «Культура создает человека, а человек растет и продолжает создавать культуру. В процессе изучения и